телю, не бе лукавому врагу диаволу терпети ученија святаго и жестокаго его житиа, но яко изначала человечьскому роду враг и ратникь, не хотя никогда же ползу человечьску видети, и малу спону святому сотвори: некыих подгнети на злоумышление не хотети святителя Петра пришествиа. Блаженыи же и тех сладок некак ученіемь учение божественых писании избираше, и пакы учаше: во времени же и тые себе зазреша, и святителя приаша честно, и со смерениемь токмо покоришеся. Он же не токмо не злопомни, но и душа тем отдасть, и душами их печашеся, и о них молитву сотвори, и своему делу прилежаше песьми и молитвами ко богу и всенощным стоянием». По всей видимости, как уже отметил Е. Голубинский, за этим эпизодом стоит реальный исторический факт, а за «некими», не желавшими видеть Петра митрополитом, нужно подразумевать тверского князя Михаила Ярославича, но для Киприана и в этом случае важно не столько дополнить биографию Петра новыми фактическими данными, сколько показать аналогичную с собственной судьбой ситуацию в жизни Петра. Когда Киприан после смерти Алексея пришел в Москву, то, как мы помним, «некие» тоже не хотели видеть Киприана митрополитом и совершили против него «злоумышление». Сказав о том, что Петр по отношению к своим врагам не только «не злопомни, но и душа тем отдасть, и душами их печашеся», Киприан дал этим понять, что он тоже прощает тех, кто совершил над ним насилие в 1378 г.

Рассказ у Киприана об оклеветании Петра тверским епископом Андреем и о разборе этой клеветы в присутствии патриаршего клирика на соборе в Переяславле по содержанию, по последовательности развития сюжета и по фактическим данным полностью повторяет рассказ первоначального жития; в ряде случаев киприановское житие совпадает с первоначальным и текстуально. Как и в весь текст вообще, так и в данный отрывок Киприан вносит ряд сюжетных и словесных добавлений и украшений. Киприан характеризует епископа Андрея по образцу житийных характеристик отрицательных персонажей: «... диавол завистию подходить и подгнещаеть на злоумавредие Андреа, епископа суща Тферьскаго предела, легка убо суща умом, легчайше же и разумом, изумлена суща и о суетней сей славе зинувша: и поостривши язык свой, глагола на праведнаго безаконие, и исплетаеть ложнаа и хулнаа словеса иже на блаженнаго и святителя Петра митрополита русскаго». Киприан сообщает, что собор в Переяславле был бурным и Петру пришлось весьма энергично отстаивать свою правоту и отвергать обвинения Андрея: «И многыми божествеными словесы преподобный святитель глаголаше, отревая от себе наваждение оно лживое, и яко добрыи воин на обе руце стреляя, ученіа испущая скореише речных быстрин, и напаяя их сладчаише меда и сота».

После этого Петр начинает ходить по «градам и весям», проповедуя слово божие, и приходит в Москву. В первоначальном житии о Москве говорится так: «обрете град честен кротостью, зовомы Москва»; Киприан более подробно и немного иначе: «прииде же пакы в славныи град, зовомый Москва, еще бо тогда малу сущу ему и не многонародну, якоже ныне видимь есть нами». В обоих житиях подчеркиваются благочестивость, божественная кротость и любовь к церквям и монастырям князя Московского Ивана Даниловича. Петр дает великому князю совет построить в Москве каменную церковь. В первоначальном житии при этом говорится только, что князь послушался Петра. Киприан добавляет пророчество Петра о будущем величии Москвы: «Аще мене, сыну, послушаеши и храмь Богородица воздвигнеши во своемь граде Москве, и самь прославишися паче инех князей, и сынове и внуцы твои в роды и роды, и град сей славень будеть во всех градех рускых, и святители поживуть в нем, и взыдуть